

**«ЦЕНА» ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА
(по материалам отечественной периодической печати)**

*В статье анализируются итоги и уроки российско-чеченского конфликта на рубеже
XX–XXI вв.*

V. Tsvetkova

**THE “COST” OF THE CHECHEN CONFLICT
(based on the Russian periodical press)**

*The author of the article analyses the result and lessons of the Russian-Chechen conflict at the
turn of the 21st century.*

Один из самых острых и болезненных вопросов любой войны – это масштаб потерь. В период первой чеченской войны практически все СМИ уделяли этому вопросу большое внимание. Однако следует уточнить, что точных цифр потерь в чеченской войне не существует. В период мирной передышки летом 1995 г. министр внутренних дел России Анатолий Куликов сообщал «точные цифры потерь» федеральных войск по состоянию на 1 августа 1995 г.: погибло, по его словам, 1867 чел., ранено 6481 и 252 пропали без вести, 36 чел. насильно удерживаются боевиками. Глава правительства Чечни Сосламбек Хаджиев в одном из своих интервью зарубежному

корреспонденту привел цифры потерь с чеченской и российской стороны: погибло 6 тыс. чел. мирных жителей, более 3 тыс. боевиков и более 4 тыс. российских солдат и офицеров¹.

По более поздним официальным российским данным, в первой чеченской войне погибли 4300 российских военнослужащих, в том числе более 3800 чел. из состава Вооруженных сил (при средней численности объединенной группировки в Чечне 70 тыс. чел.)². И. Сухов приводит другие цифры потерь федеральных сил за период первой чеченской кампании (декабрь 1994 – май 1996 г.), по официальным данным: убито – 3826 чел., ранено – 17 892 чел., без

вести пропало — 1906 чел.³ По данным Фонда гласности, за время чеченского конфликта были убиты 7 журналистов, ранено 21, избиты 11, подверглись обстрелам 93 чел. Пропали без вести 3 чеченских и российских журналиста⁴.

На момент подписания Хасавюртовских соглашений специалисты приводили цифры убитых с обеих сторон — 70 тыс. чел., вторая по значимости потеря — это потеря экономическая (по предварительным оценкам, война уже обошлась России в 100 млрд. долларов США)⁵. Другие оценки даются Госкомстатом РФ: в результате войны в Чечне погибли 30–40 тыс. чел., большинство из них — мирные жители⁶.

В журнале «Преподавание истории в школе» в 1999 г. были сопоставлены потери в двух войнах России на Кавказе — XIX и XX вв. Ни в одной, ни в другой солдатских жизней не жалели. По официальным данным на тот период, в Чечне за все время конфликта 1994–1996 гг. погибли и пропали без вести около 6 тыс. российских военнослужащих, пограничников, милиционеров и сотрудников службы безопасности. Комитет солдатских матерей считает, что это число достигает 10 тыс. чел. Существуют и другие оценки — до 20 тыс. убитых и умерших от ран в плену. По утверждению Министерства обороны Российской Федерации, количество раненых составило более 13 тыс. чел. Между тем только вертолеты армейской авиации эвакуировали с поля боя 28 тыс. раненых. Предположительно около 300 российских солдат и офицеров в 1997 г. все еще оставались в чеченском плену. Данных о потерях чеченской армии на тот период не было. Общее число погибших жителей Чечни чаще всего оценивалось в 70–80 тыс. чел., большинство которых гражданские лица, ставшие жертвами обстрелов и бомбардировок.

По статистике Кавказской войны обе стороны понесли значительные людские и материальные потери. Потери кавказского корпуса (погибших, взятых в плен, пропавших без вести) составляли 77 тыс. сол-

дат и офицеров. Материальные и финансовые затраты были огромными. По официальным данным, в 1840–1850-е гг. ведение войны стоило государственной казне 10–15 млн. руб. в год. Обе Кавказские войны оставили неизгладимый след в сознании русского народа⁷.

Вторая чеченская кампания с самого начала проводилась под лозунгом минимальных потерь. До зимних боев в Грозном число погибших действительно было сравнительно невелико. И все же, по данным российских военных, за первый год второй кампании погибло более 2500 федеральных военнослужащих, было ранено свыше 7500 чел. Чеченские источники (явно преувеличенные) говорят о 15–20 тыс. убитых «федералах» за тот же период, а также о потере ими 27 истребителей, 40 вертолетов, более тысячи танков и БТР⁸. И все же кампания 1999–2000 гг. оказалась более кровопролитной, чем даже год самых крупных потерь — 1984 г. — в Афганской войне⁹.

Н. Куценко представляет потери федеральных войск за период с 1999 г. по 2002 г. (2,5 года): свыше 3,2 тыс. убитыми, около 9 тыс. чел. получили ранения, 140 военных получили звание Героя России, несколько тысяч награждено орденами и медалями Российской Федерации. Бессмертный подвиг совершил состав 6-й роты 104-го парашютно-десантного полка. Ценой жизни 84 солдат и офицеров десантники не допустили прорыв банды Хаттаба в тыл главных сил объединенной группировки войск (ОГВ)¹⁰.

По данным ряда источников (середина лета 2000 г.), в российских силовых структурах, потери федеральных сил за время контртеррористической операции на Северном Кавказе со 2 августа 1999 г. (в Дагестане и Чечне) составляли 3433 погибшими и 10 160 ранеными. Среди погибших — 2036 военнослужащих Минобороны и 1397 милиционеров и военнослужащих внутренних войск МВД РФ. Ранения получили 5701 человек Министерства обороны и 4459 милиционеров и военнослужащих внутренних войск. В ходе отражения напа-

дения боевиков на Дагестан в период со 2 августа по 1 октября погибли 280 военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, получили ранения 987 чел. Непосредственно на территории Чечни (с 1 октября 1999 г.) потери федеральных сил составили 3153 погибшими и 9173 ранеными. Кроме того, без вести пропавшими числятся 43 милиционера и военнослужащих Министерства обороны. Среди погибших – 1918 военнослужащих Министерства обороны и 1235 милиционеров и военнослужащих внутренних войск МВД РФ. Ранены – 5383 военнослужащих Министерства обороны и 3790 милиционеров и военнослужащих внутренних войск МВД РФ¹¹. Б. Немцов дополняет, что более 160 тыс. жителей стали за этот период беженцами¹².

Исследователи называют цифру погибших в первой и второй чеченской войнах – свыше 85 тыс. чел.¹³ По данным чеченской стороны, только за первые шесть месяцев войны 1995 г. погибло 5400 чел., участвовавших в военных действиях на стороне Дудаева. Более трех тысяч человек пропало без вести. Данные по потерям среди мирного населения достигают несколько десятков тысяч человек, в том числе 1570 детей до 15 лет, количество беженцев – 387 тыс. 369 чел. (по чеченским источникам)¹⁴.

Трагедия русского населения Чечни не подлежит сомнению. Однако приводимые в различных источниках цифры очень разнятся между собой. Так, еженедельник «Патриот» сообщает: около 30 тыс. русского населения в Чечне было вырезано; около 200 тыс., бросив квартиры и имущество, бежали и более 500 тыс. самих чеченцев (2/3 жителей) уехали с «милой родины», «проголосовав ногами»¹⁵. В «Русском историческом журнале» приводятся данные о том, что после 1996 г. в Чечне были казнены более 21 тыс. русских. И по сей день обнаруживаются места массовых захоронений русскоязычного населения. За 2000–2002 гг. из Чечни вынуждены были бежать около 250 тыс. чел. Об-

щее количество беженцев с 1991 г. составило 400 тыс. чел.¹⁶

Работоторговля приобрела характер национального бизнеса. Бандиты наладили каналы поставок за рубеж, прежде всего на Ближний Восток, «материала» для борделей и гаремов и доноров для пересадки органов. Во множестве домов содержались русские рабы, называется цифра: от 30 тыс. до 40 тыс. чел. Министерство по делам национальностей указывает цифру – 46 тыс. чел.¹⁷ Эти цифры явно значительно завышены – имеются другие данные: в республике более 5 тыс. рабов, которые трудились на строительстве высокогорной дороги через главный Кавказский хребет в Грузию, на самодельных нефтеперегонных заводах, маковых и конопляных плантациях. Некоторые тейпы жили захватом заложников. Выкупы составляли от 5 тыс. до несколько миллионов долларов США. Этот бизнес принес боевикам не менее 10 млн. долларов США. На 1999 г. насчитывалось около 500 заложников. За период между двумя войнами чеченские фальшивомонетчики напечатали 10 млрд. долларов США. Мы видим, что вся «экономика» Чечни носила криминальный и полукриминальный характер. Это наносило ущерб федеральному бюджету и не давало выгоды республике¹⁸.

Власти Чечни насчитали в республике 1007 детей сирот, 2949 полусирот, 15 594 детей одиноких матерей и 3345 детей-инвалидов¹⁹.

В обобщающем труде об «эпохе Ельцина» (2001 г.) авторы анализируют военнотехнические причины больших потерь в чеченской войне. Отсутствие у Министерства обороны финансовых средств привело к тому, что в течение нескольких лет органы военного управления, войска и силы флота почти не занимались боевой подготовкой. Командующие, командиры и штабы не были готовы к управлению войсками в реальной боевой обстановке. Офицеры, сержанты и солдаты не получили практики в стрельбе, вождении, выполнении других боевых задач. Не было денег на

закупку вооружения и снаряжения для сил общего назначения, в связи с чем боевики часто были лучше оснащены, чем армейские части. Оружие и военная техника до 35% была неисправна, не хватало боеприпасов. Командиры не были обеспечены крупномасштабными картами. Первые дни солдаты и офицеры не получали горячей пищи. Все это вместе приводило к огромным потерям: в 3–4 раза больше, чем в Афганистане, где каждый месяц советские войска теряли в среднем 132 чел. убитыми и 450 ранеными²⁰.

Чеченская война требовала больших финансовых затрат. В 1995 г. дополнительные расходы в связи с войной достигали 220 млн. долларов США²¹. Гораздо существеннее были расходы на восстановление разрушенного. Общий ущерб от первой военной кампании составил около 5,5 млрд. долларов США²². По некоторым данным, на чеченскую войну только из своего бюджета Вооруженные силы России потратили 1,7 триллиона руб. Чечню покинуло более 400 тыс. беженцев, вернулось только 66 тыс. чел.

Во что обходится бюджету страны война в Чечне? Например, стоимость вылета 1 штурмовика СУ-25 – 20 тыс. долларов, 1 фронтового бомбардировщика СУ-24 – 40 тыс. долларов, 1 час боевой работы вертолета МИ-24 – 10 тыс. долларов. Использование одного танка в течение суток – 5 тыс. долларов; стоимость 1 танкового выстрела 200 долларов; стоимость 1 артиллерийского снаряда 150 долларов; 1 тыс. патронов – 30 долларов; одна ракета «Смерч» – 2 тыс. долларов; 1 гранаты – 8 долларов; стоимость 1 бомбы объемного взрыва – 3 тыс. долларов. Одна локальная операция обходится МО РФ – 1 млн долларов, из них на «работу» авиации 200 тыс. долларов²³.

Вторая кампания значительно подорожала: за август – декабрь 1999 г. и за весь 2001 г. государство тратило уже по 10 млрд. руб., а в 2000 г. было израсходовано 25 млрд. руб. (29% военного бюджета). Расходы на восстановление выросли с 8 млрд. руб. в 2000 г. до 14,5 млрд. в 2001 г.²⁴

Военные действия в Чеченской республике в 1994–1996 гг. довершили развал и без того умирающей ее экономики. По подсчетам чеченской стороны, сумма нанесенного ущерба составила 1500 трлн. руб., при этом учитывался и «моральный» ущерб, и ущерб, нанесенный флоре и фауне, экологии в целом. Восстановительная кампания в Чечне после 1994–1996 гг. обошлась российскому бюджету в 2 млрд. долларов. И это все при хронической нехватке денег для других регионов Российской Федерации. Наконец, все эти годы в Чечню бесплатно поступало электричество из Ставрополя, через республику текла нефть из Баку к Новороссийску, шли составы в Закавказье, из Москвы регулярно летал самолет. Отчеты Контрольно-ревизионного управления Минфина Российской Федерации по Чечне за последний период 1999 г. показывали, что как минимум 30% бюджетных денег, переданных на социальные нужды, использовались «не по назначению». Исчезновение соответствующих финансовых документов и имеющих к ним отношение чиновников было привычным делом²⁵.

Война нанесла серьезный вред экологической обстановке ЧР. В начале чеченской войны воздух при приближении к Грозному был окутан черным дымом горящей нефти. Главную опасность таили даже не нефтехранилища, а хранилища радиоактивных отходов, которые могли быть взорваны в результате терактов. На полях Чечни почвенный слой разворочен гусеницами танков, из горящей техники вытекли токсические вещества, попали в землю, воздух. В условиях войны нельзя точно установить истинные масштабы экологического бедствия. Чтобы спасти эту землю и ее людей, надо было как можно быстрее прекратить боевые действия. В Министерстве экологии и природных ресурсов РФ уже в начале 1995 г. был разработан комплекс мер по улучшению экологической обстановки в ЧР. Один из пунктов гласит: «Провести экстренную оценку воздействия на окружающую среду хозяйственных объектов ЧР в условиях чрезвычайной ситуации»²⁶.

На горных пастбищах нет былых стад, крупного рогатого скота и отар овец. Бывшие колхозы и совхозные фермы разрушены, разграблены. Леса тоже пустеют — их вырубали, заготавливая дрова из-за отсутствия газа в селах. Нищета многих толкнула на преступления, что связано с изготовлением кустарной добычи и переработки нефти. Отходы от переработки сливались на пашенные земли, пастбища, колодца, вблизи водоемов. Речь идет о разрушении среды обитания человека. Не меньшую опасность представляет выращивание мака и конопли, производство наркотиков²⁷.

Отсутствие доходов у значительной части населения приводило к недоеданию, истощению и болезням, ухудшению здоровья в условиях чрезвычайных ситуаций. В Чечне проводились исследования Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ) и Московским НИИ психиатрии Минздрава России, Всероссийским центром медицины катастроф «Защита» Минздрава РФ; Московским НИИ педиатрии и детской хирургии Минздрава РФ; Детской городской клинической больницей № 20 (Москва); Центром Государственного эпидемиологического санитарного надзора (ГЭСН) в Чеченской Республике (г. Грозный). На основе этих исследований была проанализирована эпидемиологическая обстановка в ЧР²⁸.

Целью совместного проекта ВОЗ и Московского НИИ психиатрии Минздрава РФ явилось изучение состояния психического здоровья населения Чеченской Республики и разработка рекомендаций по организации психолого-психиатрической помощи населению. Исследование проведено в четырех населенных пунктах Чеченской Республики: г. Грозный (население составляет 200 тыс. чел.), г. Гудермес (65 тыс. чел.), с. Урус-Мартан (40 тыс. чел.), с. Ачхой-Мартан (20 тыс. чел.). Выбор данных населенных пунктов объяснялся необходимостью, с одной стороны, охватить и городское, и сельское население, с другой — населенные пункты с разной степенью ин-

тенсивности ведения военных действий, считаются наиболее опасными для проживания. Обследование проводилось в период с 1 октября 2002 г. по 15 ноября 2002 г. По результатам исследований было сделано несколько выводов. Распространенность психических расстройств среди населения Чеченской Республики составляет 86,3%, что более чем в два раза превышает аналогичный показатель на территориях, не подвергавшихся воздействию чрезвычайных ситуаций. В структуре психических расстройств доминируют тревожные расстройства, на фоне высокого уровня соматизации и нарушенного социального функционирования. Уровень аффективных расстройств имеет тенденцию к росту в зависимости от продолжительности чрезвычайной ситуации. Длительное, совокупное воздействие комплекса психотравмирующих факторов военного времени и неблагоприятной социально-экономической ситуации сопряжено с высоким уровнем распространенности психических расстройств, преимущественно непсихотического характера. При этом среди неблагоприятных факторов, предположительно влияющих на состояние психического здоровья населения, обращают на себя внимание не только ситуации угрозы, но и отсутствия трудовой занятости и стабильности дохода (55% обследованных не имело работы), разрушенное и полуразрушенное жилье (у 60,7% обследованных). 69,5% обследованных подверглось воздействию одного или нескольких психотравмирующих событий, что привело к развитию посттравматических стрессовых расстройств у 31,2%. Основное число посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) (61,2%) приходится на г. Грозный. Частота развития ПТСР возрастает с увеличением возраста обследуемых.

Не менее сложной является и эпидемиологическая обстановка в республике. Материалы Центра ГЭСН в Чеченской Республике, посвященные изучению эпидемиологической обстановки в Чеченской

Республике, свидетельствуют, что в условиях кризисной обстановки с начала 1990-х гг. здесь наметилась тенденция к ухудшению эпидемиологической ситуации. Отмечался рост заболеваемости некоторыми инфекциями, возникли вспышки опасных инфекций (холера, полиомиелит, дифтерия, брюшной тиф). Отметим, что еще до начала боевых действий в республике была зарегистрирована крупная вспышка холеры (286 больных и вибрионосителей в 34 населенных пунктах). В условиях же кризисной ситуации, сложившейся в конце 1994–1995 гг., создались предпосылки и для распространения такой инфекции, как дифтерия²⁹.

В 1995–1996 гг. имела место вспышка полиомиелита (145 случаев среди детей в 45 крупных и мелких населенных пунктах). Неустойчивая обстановка по инфекциям сохранялась и после окончания боевых действий в 1996 г. Обусловлено это было тем, что даже к середине 1999 г. продолжал оставаться крайне острым вопрос обеспечения республики качественной питьевой водой. Не проводился лабораторный контроль качества питьевой воды, подаваемой в разводящую сеть. Серьезное положение сложилось с организацией торговли. Основными источниками приобретения пищевых продуктов для населения являлись стихийные рынки, которые не имели элементарного обустройства: отсутствие холодильного оборудования вело к торговле скоропортящимися продуктами в антисанитарных условиях.

На территории республики осложнилась обстановка и с распространением малярии. Время боевых действий 1994–1996 гг. и 1999–2000 гг. сопровождалось полным распадом социальной сферы республики, разрушением системы жизнеобеспечения населения, резким снижением качества противоэпидемических мероприятий, т. е. мер борьбы с инфекциями и их профилактики³⁰. Дестабилизация управленческой, финансовой, материально-технической базы, отток специалистов, центры госсан-

эпиднадзора в районах Шелковском, Наурском, Надтеречном республики практически приостановили свою деятельность из-за нефинансирования, а укомплектованность кадрами составляла менее 50%. В этих районах сосредоточились многотысячные лагеря временных переселенцев из Грозного и других районов, охваченных военными действиями.

Большую тревогу вызывал тот факт, что показатель заболеваемости туберкулезом превышал общероссийский в 2–3 раза. Так, при флюорографическом обследовании 3600 жителей указанных районов были выявлены 47 туберкулезных больных, 33 являлись вынужденными переселенцами. Охват населения флюорографическим обследованием составил в Надтеречном районе 24%, Наурском – 2,6%, Шелковском – 1,95%. В чрезвычайных условиях специалистами СПЭБ и центров госсанэпиднадзора в Надтеречном, Шелковском и Наурском районах осуществлялся контроль соблюдения санитарно-эпидемиологического режима на рынках, хлебозаводах, коммунальных объектах. Особое внимание уделялось санитарно-гигиеническому и микробиологическому обследованию бактериологической группой СПЭБ источников водоснабжения³¹.

Чрезвычайные ситуации различного характера сопровождаются ухудшением условий жизни и быта населения, снижением объема и качества медицинской помощи населению. В связи с проведением антитеррористической операции в 1999–2000 гг. на территории республики осложнилась обстановка по брюшному тифу, уровень заболеваемости которым в предшествующие годы не внушал особых опасений. Так, за период с декабря 1999 г. по апрель 2000 г. заболели 43 человека, случаи заболеваний выявлены в Ачхой-Мартановском районе. Основной причиной вновь выступил водный фактор – арычная вода использовалась населением для питья и хозяйственных нужд. При анализе возрастного состава заболевших оказалось, что большинство

из них относятся к трудоспособному возрасту — от 20—59 лет (33 больных); в возрастной группе до 14 лет — 8 больных; 36 больных были безработными, 7 — учащимися; 19 больных — мужчины, 24 — женщины. Отсутствие доброкачественной питьевой воды, поток беженцев, переуплотненность жилищ, отсутствие медицинской помощи способствовали бытовой передаче инфекции. Всего было выявлено 14 семейных очагов. Обращает на себя внимание, что в половине из очагов были зарегистрированы по 4 — 5 больных. Больные оставались дома от 30 до 120 дней. Оценивая результаты исследований можно заключить, что основной причиной вспышки брюшного тифа в Чеченской Республике в 2000 г., было резкое ухудшение условий проживания населения со всеми вытекающими последствиями³².

Для анализа инфекционной заболеваемости в целом по республике и, в частности, в Грозном, использовались специализированные противоэпидемические бригады (СПЭБ). Ими был предложен прогноз эпидемиологической обстановки, а также проведены неотложные мероприятия в очагах инфекционных заболеваний. Согласно отрывочным сведениям, за 12 месяцев 1998 г. (по сравнению с аналогичным периодом 1997 г.) инфекционная заболеваемость в сумме всех нозологических форм возросла почти в 1,5 раза, по бактериальной дизентерии — в 1,2 раза, по прочим ОКИ — в 1,4 раза, по коклюшу — в 1,6 раза, по эпидемическому паротиту — в 1,5 раза, по педикулезу — в 2,3 раза. Показатель заболеваемости туберкулезом в 1998 г. составил 141,8 на 100 000 населения, что значительно превышает заболеваемость в среднем по России (64,6 на 100 000 населения)³³. К 1998 г. наметился рост заболеваемости туберкулезом, 30% всех инфекций принадлежало чесотке и педикулезу.

Экономические и социальные проблемы способствовали значительному росту заболеваний среди детского населения. Для

оказания квалифицированной и специализированной медицинской помощи детскому населению в условиях вооруженного социального конфликта Приказом Минздрава России от 21 февраля 2001 г. № 51Г в Гудермесском районе Чеченской Республике был развернут полевой педиатрический госпиталь (ППГ) Всероссийского центра медицины катастроф «Защита»³⁴.

Последние несколько лет дети не осматривались педиатрами. За период работы госпиталя на территории республики с 15 апреля 2001 г. по 5 апреля 2002 г. были проведены осмотры свыше 35 тыс. детей. У большинства (более 85%) выявлены патологии различных органов и систем. Наиболее часто как среди амбулаторных (7258), так и среди стационарных больных (378) — заболевание верхних дыхательных путей; бронхолегочной системы (38%), острые респираторные инфекции (29%) и инфекции ЛОР-органов — 26%, сопровождавшиеся гнойно-воспалительными процессами. Дети от 0 до 7 лет чаще страдают заболеванием уха (гнойный отит), что, в свою очередь, ведет к тугоухости. В группе детей от 8 до 11 лет распространен хронический гипертрофический тонзиллит и аденоиды, сопутствующей патологией является сердечно-сосудистая, легочная и почечная. Основной причиной такого положения является нахождение детей в условиях постоянного психоэмоционального напряжения. Дети старшей группы (от 12 лет и старше) болеют хроническими инфекционными ринитами и риносинуситами. В условиях ППГ было выполнено 552 операции на ЛОР-органах. Политические противоборства и климатические потрясения, порожденные противоборством, все еще ждут оценки. Чтобы климат региона не проявил своего «дурного нрава», заинтересованы и русские и чеченцы. Может быть, чтобы не будить гнев природы, народы не должны воевать, а должны засеять землю³⁵.

Одно из негативных последствий затянувшегося кровопролития — прогрессирующая экспансия наркобизнеса, наблюда-

ющаяся не только на территории республики, но и далеко за ее пределами. В Чечне производство и сбыт наркотических средств стали одним из основных источников самофинансирования незаконных вооруженных формирований. Здесь появились нарколаборатории по производству героина, создавалась разветвленная сеть наркотрафика, расширились плантации наркосодержащих растений, строились тайные взлетно-посадочные полосы, предназначенные для организации транспортировки готовой наркопродукции. Начиная с 1992 г., жители Чеченской Республики выращивают опиный мак, производства марихуаны и гашиша остаются значительными, выращивается первосортная индийская конопля. В Грозном обнаружена принадлежавшая Ш. Басаеву нарколаборатория, которая располагалась в выкупленной им за бесценок средней школе № 40. Наркотики являются разновидностью терроризма против общества, поэтому необходима международная решимость для борьбы с этим черным дьяволом³⁶.

Чеченский кризис так или иначе коснулся каждой семьи, глубоко деформировав нравственные устои, политическую культуру и религиозные представления. За 15 лет выросло целое поколение под ракетно-бомбовыми ударами в условиях тотального произвола, голода и лишения³⁷.

«Цена» вооруженного конфликта в Чечне, на основании материалов прессы, — это многочисленные жертвы, огромный моральный и материальный ущерб, раскол в обществе. Уничтожено целое поколение людей, вся тяжесть невзгод легла на плечи народа и армии. Широкое распространение получили болезни, нарушение психики у военных, населения и детей, эскалация незаконного оборота наркотиков, произошла экологическая катастрофа. В Чечне повсеместно нарушаются права и свободы человека, жизнь человека обесценилась. Процветала работорговля, заложни-

ки, военнопленные, диверсионная и информационная война, преступления, повышение уровня криминогенности, мародерство, беженцы, казни, торговля оружием, похищение людей, фальшивомонетничество, махинации с нефтью. Война выкачала из национального бюджета десятки миллиардов рублей. Такую цену заплатило российское и чеченское общество за вооруженный конфликт, которого не удалось избежать.

Конфликт как форма столкновения и выявления интересов в обществе может быть изучен при адекватном определении позиций его участников. Периодическая печать с начала 1990-х гг. уделяла внимание событиям в Чечне, однако понимания в целом происходящего там не демонстрировала, в том числе и по причине отсутствия четкой стратегии российской власти в регионе. Двусмысленное поведение российского руководства, которое в течение трех лет терпело сепаратизм в Чечне и даже сотрудничало с его лидерами, в том числе вооружая сторонников суверенитета Чеченской Республики, было отмечено некоторыми СМИ, однако в полной мере стало информационным поводом для прессы только после ввода российских войск и начала военных действий. Позиции чеченского руководства Дудаева и его оппонентов внутри республики просматривались в текущей печати еще слабее. Однако с началом военных действий российские периодические издания поперебой освещали позиции противоборствующих сторон и делали попытки их анализа, исходя в том числе из своих политических и идеологических предпочтений. В то же время следует отметить, что комплексное изучение российской прессы позволяет представить ее позицию и трансляцию общественных настроений соответствующего периода.

Первая чеченская кампания рассматривалась в отечественной печати преимущественно как внутреннее дело, хотя за Чечней признавалось право на самоопределе-

ние в определенных рамках. Напротив, вторая чеченская кампания оказалась встроенной в широкий международный контекст и рассматривалась как часть борьбы с мировым терроризмом и одновременно — как борьба за сохранение территориальной целостности России. Именно с этим были связаны различные подходы к урегулированию ситуации в Чечне: в первой кампании — возможность и желательность политического (мирного) урегулирования, во второй — признание необходимости силового подавления террористов.

Поворот в позиции политического руководства России был через СМИ внедрен в сознание граждан и в целом оказался приемлем для российского общества, а у значительной части населения получил одобрение и поддержку. Миротворческие пред-

ложения периода первой чеченской войны были заменены другими общественно значимыми инициативами: протестами против нарушения прав человека в Чечне, осуждением терактов, требованием ликвидировать криминальную зону. Общество было подавлено масштабом преступлений, численностью жертв, разрушительными последствиями войны и требовало положить конец такой ситуации, что мыслилось в рамках силового решения. Усилилось патриотически-государственническое и этнонациональное (русское) направление в печати. Одновременно периодические издания все меньше стали восприниматься как трансляторы объективной истины, усилилось их восприятие в общественном сознании в качестве ангажированных каналов воздействия на население.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Куликов А. Чечня: за ценой не постоит // Труд. — 1995. — 1 авг. — С. 1.
- ² См.: Говорит Масхадов // Коммерсантъ. — 2000. — 1 нояб. — С. 1.
- ³ Сухов И. Чечня теневая и официальная. Специальный информационный обзор. — М., 2001. — С. 100.
- ⁴ Куликов А. Указ. соч. С. 1.
- ⁵ Макаров Д. Пусть решает народ // Аргументы и факты. — 1996. — № 33. — С. 3.
- ⁶ Калашиников В. Чечня в составе России // Санкт-Петербургские ведомости. — 2004. — 27 нояб. — С. 4.
- ⁷ Георгиев В. А., Георгиева Н. Г. Кавказская война // Преподавание истории в школе. — 1999. — № 6. — С. 29.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Козырев М. Тогда считать мы стали раны // Коммерсантъ. — 2000. — 4 авг.
- ¹⁰ Куценко Н. Затянувшаяся пауза // Литературная Россия. — 2002. — 5 апр. — С. 3.
- ¹¹ Сухов И. Чечня теневая и официальная. Специальный информационный обзор. — М., 2001. — С. 100.
- ¹² План Немцова по урегулированию Чечни // Аргументы и факты. — 2001. — № 7. — С. 4.
- ¹³ Дмитриев В. А. Адат. — М., 2003. — С. 45.
- ¹⁴ Блинский А. Россия и Чечня: 200 летняя война. — СПб., 2000. — С. 184.
- ¹⁵ Скуратов И. С. Война в Чечне — позор правителей России // Патриот. — 2002. — № 49. — С. 8–9.
- ¹⁶ Шокин С. Д. Чечня: между двумя войнами // Российский исторический журнал. — М., 2003. — № 1. — С. 63.
- ¹⁷ Блинский А. Россия и Чечня: 200 летняя война. — СПб., 2000. — С. 247.
- ¹⁸ Шокин С. Д. Чечня: между двумя войнами // Российский исторический журнал. — 2003. — № 1. — С. 60–61.
- ¹⁹ Асуев Ш. Раненое детство // Даймехкан аз (Голос отчизны). — 2001. — № 5. — С. 3.
- ²⁰ Батурич Ю. М., Ильин А. Л. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. — С. 708.

- ²¹ *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. — М., 1999. — С. 185.
- ²² *Мукомель В.* Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. ст. — М., 1997. — С. 311.
- ²³ *Скуратов И. С.* Война в Чечне — позор правителей России // Патриот. — 2002. — № 49. — С. 8–9.
- ²⁴ *Георгиев В.* 330 млн. долл. на борьбу с чеченскими боевиками // Независимое военное обозрение. — 2001. — № 26. — С. 2.
- ²⁵ *Шокин С. Д.* Чечня: между двумя войнами // Российский исторический журнал. — 2003. — № 1. — С. 58–59.
- ²⁶ *Дмитрук М.* Третий Чернобыль не за горами, а гораздо ближе — в Чечне // Голос. — 1995. — 20 марта. — С. 7.
- ²⁷ *Фурман Д. Е.* Чечня и Россия: общества и государства. — М., 1999. — С. 311, 313–315, 318.
- ²⁸ *Онищенко Г. Г.* Эпидемиологическая обстановка в Чеченской Республике // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. — 2001. — № 6. — С. 5–9.
- ²⁹ *Идрисов К. А., Краснов В. Н.* Состояние психического здоровья населения ЧР в условиях длительной чрезвычайной ситуации // Социальная и клиническая психиатрия. — 2004. — Т. 14. — Вып. 2. — С. 5–9.
- ³⁰ *Онищенко Г. Г.* Эпидемиологическая обстановка в Чеченской Республике // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. — 2001. — № 6. — С. 5–9.
- ³¹ Там же. С. 15, 18.
- ³² *Грижебовский Г. М.* Вспышка брюшного тифа в Чеченской Республике в 2000 г.: эпидемиологическая характеристика // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. — 2001. — № 6. — С. 45–47.
- ³³ *Онищенко Г. Г.* Основные организационные аспекты противоэпидемиологического обеспечения населения в период антитеррористической операции на территории Чеченской Республики и Республики Дагестан в 1999–2000 гг. // Эпидемиология и инфекционные болезни. — 2001. — № 6. — С. 16.
- ³⁴ *Тангиев Т. М.* Структура заболеваемости ЛОР-органов у детей Чеченской Республики // Российский педиатрический журнал. — 2003. — № 3. — С. 57–58.
- ³⁵ *Чабиев Р.* Экологические сюрпризы чеченской войны // Вайнах сегодня. — М. 1997. — № 2. — С. 31.
- ³⁶ *Табакоев А. В.* Вооруженный конфликт в Чечне как фактор эскалации незаконного оборота наркотиков // Ученые записки Государственной таможни Санкт-Петербургского филиала РТА № 1. — М. 2004. — С. 204–206, 208, 212.
- ³⁷ *Султыгов А.-Х.* Чеченская Республика: поиск идеологии политического урегулирования. — М., 2001. — С. 148.